

ПОКАЯННЫЕ молитвенные размышления на все дни недели

РАЗМЫШЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ (Четверг)

Вот снова припадаю к стопам Владыки моего, снова прошу, умоляю, поклоняюсь и взываю со страхом, ибо знаю, что лучше для провинившегося раба не укрываться от своего господина и оставаться близ него. Услыши, о Владыко, плач мой, приими молитвы, мною, грешным, приносимые; излей на меня, окаянного, хотя малую каплю Твоего милосердия и просвети душу мою благодатью Твоею, дабы иметь мне хотя малый успех в исправлении самого себя; ибо если Твоя благодать не просветит души моей, то я

не в состоянии буду познать пристрастие и нерадение, гнездящиеся в сердце моем.

Горе мне! Возобладавший мною грех предал меня, нашел во мне обильную пажить для себя и каждый час убивает, попирает и погружает меня в глубину зла; я, окаянный, не перестаяю прогневлять Бога, но страшусь огня одного неугасающего, но трепещу мук нескончаемых, ибо грех, обратившийся в злой навык, увлекает меня в совершенную погибель. Я обличаю самого себя, я не перестаяю давать обещания исправиться и все-таки остаюсь во грехах: я смотрю — и не вижу; я каюсь — и в самом покаянии погрешаю, ибо не углубляюсь в различие дел; я — раб греха и делаю злое, хотя и не желаю сего; я — воин, поставленный под власть греха, я подчиняюсь ему, и хотя мог бы убежать от сего господина, но служу ему по злему обычаю, который царствует во мне. Радея о страстях, я несу оброки плоти; я знаю, что растление во мне усиливается, и едва оно подает мне знак, я подчиняюсь ему, как раб; хочу будто бежать, но, как пес на железной цепи, опять возвращаюсь к своему повелителю. Я ненавижу грех, отвращаюсь от беззакония, но все же остаюсь в рабстве у страстей; я побеждаюсь, окаянный, сластю против воли: я служу естеству по необходимости, а оно, подкупленное злым произволением, источает на меня грех. Кипят во мне страсти вопреки уму, они срастворились с плотию и не терпят разлучения. Я силюсь переменить свое злое произволение, но предшествовавший навык никак не дает мне успеть в этом. Понуждаю себя, бедный, освободить душу от долгов, но злой заимодавец тут же вводит меня в еще большие долги. Он и не упоминает об уплате, он щедро дает еще и еще, и даже вовсе не желает брать обратно, желая только рабства моего, — дает и не взыскивает долга, дабы обогащался я страстями. Я хочу отдать ему старый долг, а он прибавляет новый. Если же делаю хотя малое себе понуждение вопреки влече-

нию страстей, он, чтобы низложить меня, прилагает новые страсти и, видя, что постоянное пребывание в долгу заставляет меня как бы поневоле быть грешным, вводит в мое сердце новые пожелания, а дабы я не исповедовался, тщится, чтобы я забыл свои страсти.

Я делаюсь участником в чужих грехах и, занятый ими, забываю свои; одерживаюсь новыми страстями и снова оказываюсь в долгу; я спешу к ним как к друзьям, а они, давая мне в долг, опять обходятся со мною как властелины, и я, который незадолго пред тем старался отвязаться от них, делаюсь их закрепощенным рабом; я спешу разорвать их узы и запутываюсь в новых тенетах, спешу освободиться от этой воинской повинности страстям, но, получив от них столько даров, оказываюсь невольно их покорным слугою... О, как далеко простирается надо мною власть греховных страстей! О, как велико господство злоковарного и льстивого змия! Как обычно, он и торгуется, и задаток дает, только бы продать ум самому греху. Он убеждает меня угождать плоти под тем предлогом, что она нужна для служения душе, и вот — я уже побежден сластолюбием к невоздержанию, а оно склоняет меня к неумеренному сну, и я лишаюсь вовсе услуги тела для души. Когда я молюсь, он внушает мне мысль о каком-нибудь ничтожном удовольствии, и этой мыслью, как медною цепью, держит мой слабый ум, а когда он порывается бежать от нее, враг не ослабляет привязи. Так грех сторожит мой ум и запирает от меня двери познания. Зорко наблюдает он за умом, чтобы тот не пришел как-нибудь в согласие с волею Божией и не возбранил продать плоть; для сего он советует пропускать без внимания множество перепутанных помыслов и заверяет, что на суде и речи не будет о такой малости, что невозможно даже и опознаться[6] в сих помыслах и что все они будут преданы забвению. Но я вижу мысленным взором моего обличителя и знаю, что мне

угрожает вечное мучение. Вот чем удерживает меня, вот чем вяжет, продает и покупает меня грех; вот чем обольщает он меня, льстит мне и подчиняет себе, как и Апостол сказал, что человек плотян, продан под грех. Грех, обитающий в плоти моей, властвует над умом, связует душу чрез то, что дает жизнь плоти, и плотию побеждает душу. И если бы я захотел ослабить плоть, грех сею самую плотию побеждает меня; он связывает душу мою, как овцу на заклание, как птицу поднебесную, как сильного богатыря; он плотию же обсекает у нее руки и ноги, и я уже не могу ни бежать, ни помочь себе. Увы мне! Я уже мертвец, хотя и живу еще; я слепец, хотя и гляжу глазами; я сделался псом, хотя я и человек; со мною, разумным творением, страсти мои обходятся как с неразумным скотом!..

Пожалей же себя, душа моя! Пospеши, пока ты не осуждена еще, сделай усилие над собою, пока ты не разлучена с телом, чтобы не остаться нам за дверьми вместе с юродивыми девами, где для смертных невозможно увидеть жизнь или помыслить об оправдании; где нет борьбы, за которую достается или жизнь, или смерть, и где нет плоти, ради которой постыжается враг, побеждаемый ее немощью. Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих... (Пс. 50, 1), ибо если Ты помилуешь меня, я тотчас освобожусь при помощи Твоей от этой жалкой привязанности к страстям; если помилуешь меня, жажду быть послушным Твоей благодати. Если сотворишь по множеству благодати Твоей, то избавишь меня от греха; если излиешь на меня благодать Свою, то спасусь; верую, что все сие возможно Тебе, и не отчаиваюсь в своем спасении. Знаю, что множество щедрот Твоих превосходит множество грехов моих; знаю, что Ты миловал и милуешь всех, обращающихся к Тебе всем сердцем своим. Исповедую, что и я много раз пользовался благодатию Твоею, но после отвергал ее и грешил, как не грешил никто другой. Но Ты,

Воскреситель мертвых, воскреси и меня, грехом умерщвленного! Ты, Исцелитель слепых, просвети помраченные очи сердца моего! Ты, избавивший Адама от уст змиевых, извлеки меня из тины беззаконий моих, ведь и я — Твоя овца, но по своим хотениям злым сделался пищею львов... Псом я стал по грехам моим, но я буду сыном, когда благодать Твоя исцелит меня; отвержен я, как прокаженный, но лишь только Ты восхощешь, я очищуся... Знаю я, что сознательно грешил я; но имею за себя молитвенниками святых Твоих. Знаю, что превосхожу всякую меру грехами своими, но и благодать Твоя непреодолима. Ты, давший преимущество мытарю, окажи сию милость и мне, хотя я, сознаюсь, делал еще больше худого. Ты, Господи, помиловал Закхея, как достойного, а меня помилуй, хотя и недостойного. Волком был Павел, некогда гонитель овец стада Твоего, — зверем лютым был он, когда терпел агнцев Твоих, но и он соделался добрым пастырем по благодати Твоей, и он стал усердно пасти овец Твоих... Знаю, что он по неведению грешил и как неведавший сподобился прощения грехов и великой благодати; но Ты, Господи, осуждая мой грех, соделанный мною в ведении, помилуй меня по преизбыточествующей благодати Твоей...

Увы мне, увy мне! Стыжусь тех, которые теперь уважают меня, боюсь, чтобы не быть постыженным пред ними там за сокровенные грехи мои. Стыжусь родителей моих, чтобы они со временем не осудили меня, обещавшего жить не по-мирскому. Хочу уподобиться одной вдове, которая долго беспокоила судию и все же достигла цели своей; хочу уподобиться пред Тобою, Преплагим Владыкой моим, я, дерзновенный, — неотвязному другу, чтобы обратил Ты душу мою, плененную грехами: тот просил хлеба для утоления голода, а я прошу душевного утешения; он просил плотской пищи, а я прошу пробуждения души. Святой и Всеблагий Боже! Услыши глас мой и слезный плач мой: обрати меня,

дабы принес я плоды покаяния, ороси иссохшую совесть мою, обнови меня, обветшавшего греховными страстями, чтобы освободиться мне от рабства их. Приятно вздохнуть мне воздухом свободы и в радости и веселии прославить благодать Твою. Знаешь Ты, Владыко мой, что я дерзаю вещать сие пред Тобою от горестного изнурения души моей; ибо знаю я, грешный, что Милосерд Ты, Господи, и хочешь, чтобы я изменился; Ты только ждешь плода моего произволения; Ты готов помиловать меня, но ожидаешь моего доброго расположения, ибо, милуя, хочешь Ты научить меня добру и, прощая, желаешь соделать меня причастником Царствия Твоего. Горе безчувствию моему, горе моему окаянству!

О, грубая, оземленившаяся душа! О, развращенное сердце! О, уста, исполненные горечи, и гортань — гроб отверстый! Почто не помнишь ты, душа моя, неизбежный путь разлучения твоего? Почему не готовишься в этот путь-дорогу? Зачем без жалости к себе готовишь свою погибель? Из-за чего навлекаешь на себя осуждение вечных мучений? Что ты делаешь, душа моя, живя как несмысленное животное?.. Увы мне! Как это я вместо света избираю тьму? Как это вместо жизни предпочитаю смерть? Как удовольствие, которое сегодня у меня есть, а завтра не будет, я ставлю выше вечных и неизреченных благ?.. Увы мне! Как это я вместо солнцезрачной оной ризы соглашаюсь надеть на себя одежду мрачную и темную? Как мрачное адское жилище я предпочитаю Царству Небесному? Увы мне, грешному! Я добровольно, сознательно уязвляю и гублю сам себя!.. Приди же наконец в себя, о душа моя! Убойся Бога, угождай Ему во всех добродетелях, дабы не воспрять от Него сугубо за свои согрешения! Возлюби своего Господа, иди по пути Его заповедей с мужеством! Пойми, душа моя, что сей век подобен поприщу, и змий крепкий силится над всеми одержать победу. И одними он низлагается и попирается,

других сам низлагает и предаёт поруганию; одни бывают побеждаемы прелестью его, другие, вступая с ним в борьбу, получают венец; одни чрез горечь его получают наслаждение вечного блаженства, другие чрез сладость его обретают горечь вечного мучения. Одни крайним нестяжанием и безпристрастием к тленным вещам легко побеждают его, а других, за их прилепление к земному, легко побеждает он. Для любящих Бога всею душою его нападение ничего не значит, а для любящих мир оно трудно и нестерпимо.

Пойми же, душа моя окаянная, что радости века сего, его наслаждения и утехи полны печалей и горестей, а скорби, лишения и злострадания готовят неизреченную радость и вечную жизнь. Обратись же, душа моя, восприими подвиг в безмолвии раз навсегда, чтобы, когда настанет час смерти и разлучения, ты не оказалась неготовою. Подумай, душа моя, ведь тебя призывает Сам Бог, а ты живешь так нерадиво: из-за чего же и доколе ты будешь скорбеть и воздыхать, о душа моя! Ведь ты свободна!..

